

М.В. БОБРОВА

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Россия)

УДК 811.161.1'373.21

ББК Ш141.12-316

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗВИЩАХ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Аннотация: В статье представлены современные прозвища жителей Пермского края. Проиллюстрированы приемы языковой игры номинаторов на всех языковых уровнях: фонетическом (имитация особенностей речи, речевого поведения человека; рифмовка), графическом (специфичное использование графических средств; нарушение правил чтения; смешение графических средств разных типов), словообразовательном (аббревиация; усечение мотивирующей основы; контаминация; образование окказионализмов и потенциальных слов; образование однокорневых и сложных слов; образование прозвищ по моделям антропонимов), морфологическом (образование онома с нарушением норм родовой принадлежности; образование неизменяемых слов; транспозиция), синтаксическом (образование прозвищ – словосочетаний различных типов; образование прозвищ – простых предложений), лексико-семантическом (обыгрывание паронимов, омонимов, синонимов и псевдосинонимов, антонимов и псевдоантонимов, значений полисемантов, лексико-семантических связей слов; метафоризация; метонимизация; употребление лексики в необычном значении; использование варваризмов, неологизмов), а также в стилистическом аспекте (образование макаронизмов; образование прозвищ на базе жаргонизмов, диалектизм, архаизмов). Автором показано, что языковая игра на основе системных связей не является единственной формой игры, реализуемой в прозвищах. Перспективно специальное, глубокое исследование современных пермских прозвищ в аспекте прагматики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: антропонимика, современные прозвища, Пермский край, языковая игра.

Языковая игра (далее также ЯИ) – «особая форма лингвокреативного мышления» [подробнее об этом: Гридина 2000: 51; Гридина 1996 а, б]. Она предполагает реализацию нескольких условий: 1) нарушение норм мышления и языка: языковых / стилистических / речеповеденческих / логических; 2) осознанность нарушений («намеренная неправильность»); 3) адекватность (релевантность языковой компетенции) воспринимающего; 4) нацеленность на достижение определенного (эмоциональ-

ного, экспрессивного, обычно комического) эффекта (о наполнении термина «языковая игра» см., например, [Дедушкина 2012]).

Обычно о ЯИ говорят в отношении текстов разных жанров, прагматических, фольклорных или (чаще) художественных: рекламных текстов, анекдотов, пословиц, поговорок, парадоксов, пародий, перепевов, др. Полагаем, что в качестве особого жанра можно рассматривать с данной точки зрения прозвища, при образовании которых ЯИ (чаще языковая шутка) является ведущим принципом. В конечном итоге любое прозвище – сознательное нарушение нормы, которая запрещает их использование в современной русской антропонимической формуле. Контекст в данном случае образуют лингвистические и экстралингвистические элементы: прозвище, производящая основа (имя, фамилия, нарицательное слово, иное имя собственное), дополнительные (чаще ложные в отношении производящей основы) мотиваторы – и сведения о причинах и условиях номинации (о социальных, физических или иных характеристиках именуемого; о ситуации, т.е. объективно сложившихся обстоятельствах, обусловивших возникновение конкретной номинации).

В настоящем случае сосредоточимся на средствах и приемах создания прозвищ. Для этого привлечем современные антропонимы жителей Пермского края (далее также СПП – современные пермские прозвища, в толкованиях – пр.), количество которых в собранной нами картотеке в настоящее время составляет более 4500 единиц. Привлечены также данные, собранные выпускниками Пермского педагогического университета Н.Ф. Елесиной, Т.И. Золиной, Т.И. Колотовой, Е.Н. Орел, Т.Ф. Пустоваловой, Н.С. Созыкиной.

Нередко считают, что ЯИ ограничивается игрой слов, однако, по справедливому замечанию А.П. Сквородникова, игра слов лишь одна из ее разновидностей, основная разновидность игры слов – каламбур, который строится на обыгрывании лексики, многозначности или омонимии слов [Сквородников 2008: 802]. Однако ЯИ может быть реализована средствами любого языкового уровня. Рассмотрим последовательно возможности каждого.

1. Прозвища и фонетика. Нередко СПП отражают (имитируют) особенности речи, речевого поведения человека, а именно

специфику произнесения им звуков, отдельных слов, его речевые привычки, регулярно воспроизводимые им речевые элементы, ситуативное произнесение слов: **Щебаки** (пр. жителей д. Емаш-Павлово Чернушинского района, в речи которых отсутствует затвор в фонеме <ч'>; из диалектного чебак 'окунь'), **Помаешь** (пр. человека, использующего *помаешь* < *понимаешь* как слово-паразит), **Чикаго** (пр. школьника, который однажды выкрикивал: «Чикаго!»), **Гнусарь** (пр. гнусавого человека) и др. Отдельные антропонимы построены на рифмовке компонентов: **Шалтай-Болтай** – от фамилии (далее «фам.») *Салкаев*, **Княгиня-Лобыня**, **Николай-Нидворай** и др.

2. Прозвища и графика, орфография. В основе ряда СПП лежит специфичное использование графических средств. Например, средством различения одноклассниц-тезок послужили инициалы их отчества: **Валя А.**, **Валя Г.**, **Валя И.** ДМ / ДЭ-ЭМ – прозвище сестер Дмитриевых. Ряд прозвищ образован прочтением официальных именовании справа налево: **Вычипыс** из фам. *Сыпачев*, **Ашас Волас** – из *Салов Саша*. Путем метатезы образованы СПП **Карандаш** (из фам. *Кондрашов*), **Янкель** (из фам. *Лякин*). Прозвище **Куба** из фам. *Сивакова* построено на смешении кириллической и латинской графики: первые четыре буквы прочитаны как английское название острова *Cuba*. В автономинации **Н₂О** / **Аш-Два-О** учитель физики использовал химическую формулу.

3. Прозвища и словообразование. Сюда относим, в частности, СПП, образованные способом аббревиации, обычно сокращением фамилии, имени, отчества: **БИМ**, **ПАН**, **РАБ**, **СС**. Частотны СПП, образованные путем усечения: **Михася** – из *Михальчук Олеся*, **Баня** – из *Борисова Аня*, **Бес** – из фам. *Бессолов*, **Галсер** – из *Галина Сергеевна*. Иногда усечение сопровождается суффиксацией: **Мика-Така** – из *Миша Тархов*, **Тапочки** – из *Потапов*, **Золушка** – из *Золина*. В итоге образуются лексемы, омонимичные существующим словам (собственным и нарицательным), либо окказионализмы. Еще одна разновидность последних – СПП, возникшие не на базе именовании номинируемого: **Гиббонга**, **Футболёр** 'пр. любителя игры в футбол', **Творч** 'пр. креативного одноклассника'. Имеются фиксации СПП, образованных по способу контаминации: **Лёшалёшалёшагоша** 'кол-

лективное пр. четверки друзей’, *Пётригорович* ‘пр. школьника, которого звали Петр Гончаров’.

Встречаются также прозвища – потенциальные слова, образуемые по продуктивным моделям современного русского языка с использованием суффиксации, префиксации, конфиксации, мены суффиксов, безаффиксного способа: *Подшефник* ‘пр. сына начальника; из *подшефный* (ср. *ударник* ‘передовой работник’) либо *шеф* (ср. *подлокотник*)’, *Мегамозг* ‘пр. школьника с очень крупной головой’, *Мавзолейка* ‘прозвище мужчины, которого звали Владимир Ильич’, *Штопа* ‘пр. девочки со шрамом на лице; из *штопать*’, др. Часть СПП образована по моделям сложных слов: *Шлёп-нога* ‘пр. хромого человека’ (ср. *бойбаба*, *чудо-рыба* и т. п.), *Соловей-Разборник* ‘пр. озорной школьницы по фам. *Соловьёва*’, *Семиколенная Матрёна* ‘пр. худой и высокой девушки’, *Плюс-Минус*, в том числе по моделям, аналогичным моделям построения фамилии номинируемого: *Водолаз* – из фам. *Дуболазова*, *Младокленова* – из фам. *Стародубова*. Интересны СПП, образованные по продуктивным моделям личных антропонимов (имен, отчеств, фамилий), часто на базе официальных именовании номинируемых лиц: *Ожеговна* ‘пр. неопрятной женщины, которая ходила в перепачканной одежде; из *ожег* – палка, которую использовали в качестве кочерги’, *Никулишна* ‘пр. из фам. *Никулина*’, *Яныч* ‘пр. школьницы из имени *Яна*’, *Нахал Нахалыч* ‘пр. учителя Михаила Михайловича, часто ставившего «двойки»’. Есть примеры перестроения официальных именовании по образцу иноязычных: *Ле Пео Скин* ‘пр. мужчины по фам. *Лепёскин*’, *Ба Ку Лин* ‘пр. мужчины по фам. *Бакулин*’.

4. Прозвища и морфология. Это СПП, которые являют собой неправильные формы слов, например новообразования, парные к существующим по роду (*Кавалеристка* ‘пр. кривоногой девочки’, *Мазута* ‘пр. нечистоплотного молодого человека’); прозвища, родовая принадлежность которых не соотносится с гендерной принадлежностью носителя, что отражается на сочетательных особенностях антропонима (прозвища мальчиков, молодых людей, мужчин *Плюха*, *Кастрюля*, *Шуба*, *Солнце* и др.; прозвища девочек, девушек, женщин *Терминатор*, *Полный Квадрат*, *Шишин Бабай*, *Фил*, *Солнышко* и др.). Некоторые

образования являются неизменяемыми (*Вуди, Марио, Юни, Ху* и др.). Нередко наблюдается явление транспозиции, когда в качестве прозвищ используются прилагательные, реже иные части речи (*Белый, Большелетия, Трахомный, Миссис Выпендривается* и др.).

5. Прозвища и синтаксис. Усматриваем необычность СПП уже в том, что, в отличие от иных (официальных) именовании, они могут быть не только однословными; среди них встречаются единицы, построенные по типу словосочетаний и простых предложений. Словосочетания могут быть простыми и сложными. Простые являются именными, преимущественно субстантивными, редко нумеративными. В качестве стержневого слова могут выступать личные имена, чаще рифмующиеся с прозвищем (*Вася-Ребёнок, Зинка-Корзинка*). В них реализуются разные типы связи: согласование (*Кошкина Мама, Чукча Отхоженная, Граф Суворов, Отец-Героин*), управление – сильное (*Полстакана Молока*) и слабое (*Баба С Хранилица, Вождь Краснокожих*), примыкание (*Миссис Выпендривается, Голова Босиком, Старуха Изергиль*). Сложные словосочетания строятся по разным моделям: простое словосочетание с зависимым словом (*Два метра безобразия, Сорок Один Год*), стержневое слово и зависимое словосочетание (*Фроська С Мыльного Завода*), стержневое слово и сочетание слов (*Удача Слева И Справа*). Отмечены и сочетания слов (*Болек И Лёлек, Плюс Тысяча*).

Простые предложения представлены односоставными (*Дяденька Достань Воробушка*) и двусоставными (*Тула Город Древней Славы, Демьян Бедный Мужик Вредный*) конструкциями.

Порядок слов в словосочетаниях и предложениях может быть прямым и инверсированным.

6. Прозвища и лексика, семантика. Это группа наиболее многочисленна. Перечислим наиболее частотные языковые игровые приемы.

– Обыгрывание паронимов: *Доцент* < фам. *Доценко, Вашиш* < *Ваня, Витаминовна* < *Вениаминовна, Косточка* < (*Костечка* <) *Константин, Сулико* < фам. *Туляков, Лютый* < фам. *Лютиков, Тапочка* < фам. *Тапычканова* и др.

– Обыгрывание паронимов (обычно по результатам дестимо-

логизации фамилии): *Масленок* < фам. *Маслов*, *Зона* < фам. *Зонин* (< *Зоня* < *Зосим*), *Шерсть* < фам. *Шерстнёва*, *Сахиб* < фам. Сахибуллин и др.

– Ложная деэтимологизация фамилии: *Киса* < фам. *Киселев*, *Маленькие Ушки* < фам. *Малухин* и др.

– Обыгрывание омонимов: а) полных омонимов: *Немо* ‘пр. мужчины, который говорил очень невнятно, *немо*’, *Жигули* < имя *Лада*, *Бэу* (*Б/У*) ‘пр. бывшего участкового’; б) омофонов: *Неваляшка* (< *Неволяшка*) < фам. *Неволин*, *Аббат* < фам. *Обатуров*, *ШВ* [*шэф*] ‘пр. мужчины по инициалам имени и фамилии’; в) омонимичных русских и иноязычных слов: *Куча* ‘пр. девушки по фам. *Кучева* (из коми-пермяцкого *кути* ‘орел’); и др.

– Обыгрывание синонимов и псевдосинонимов: *Задницев* < фам. *Попов* (через ложный мотиватор *попа*), *Шпага* ‘пр. высокого и худого школьника’ (*высокий* и *худой* – *длинный* и *тонкий*), *Туберкулёзный* ‘пр. болезненного школьника’, *Чупа-Чупс* < фам. *Леденцов* и др.

– Обыгрывание антонимов и псевдоантонимов: *Пузырь*, *Толстый*, *Пышка* – прозвища худошавых людей, *Лысый* – прозвище людей с длинными, густыми, растрепанными и т. п. волосами, *Фантомас* ‘пр. красивого молодого человека’, *Лемешев* ‘пр. школьника, которое использовалось в то время, когда голос мальчика был охрипшим’ и др.

– Обыгрывание значений полисемантов: *Дубовый* ‘пр. физически крепкого школьника’, *Калёный* ‘пр. мужчины, побывавшего в горящем доме и оставшегося в живых’, *Соловей* ‘пр. школьника, который умел хорошо свистеть’, *Лапоть* ‘пр. наивного, простоватого мужчины’ и др.

– Метафорический перенос: *Банан* ‘пр. высокого худого сутулого светловолосого мужчины’, *Колобок* ‘пр. изворотливого школьника’, *Мякиш* ‘пр. школьника, который отличается рыхлым телом и бесхарактерностью’, *Пальма* ‘пр. женщины, причёска которой напоминает расходящиеся от верхушки ствола листья пальмы’, *Помойка* ‘пр. учителя, который не чистит зубы’, *Слон* ‘пр. молодого человека с большими оттопыренными ушами’, *Старый* ‘пр. мужчины с хриплым голосом’ и др.

– Метонимический перенос: *Гриндерс* ‘пр. мужчины, кото-

рый носит обувь бренда «Гриндерс», **Москва** ‘пр. мужчины, переехавшего из Москвы’, **Муля** ‘пр. хозяина кошки по кличке *Муля*’, **Перекись** ‘пр. женщины с осветленными перекисью водорода волосами’, **Лысый** ‘пр. школьника, старшего брата которого побрили налысо’, **Борода** ‘пр. бородатого мужчины’, **Суп** ‘пр. школьника, которому нравились супы’ и др.

– Обыгрывание лексико-семантических, тематических (в т. ч. периферийных, ассоциативных) связей слов: **Рыбкин** < фам. *Осетров*, **Скворец** < **Филин** < фам. *Филимонов*, **Цифра** ‘пр. учительницы математики’, **Рубль** < **Копейка** < фам. *Копейкин*, **Чирок** < фам. *Кряквин*, **Леопольд** (< кот *Леопольд* < кот < лев ‘животное семейства кошачьих’) < фам. *Львова* и др.

– Использование лексики в несвойственном ей значении: **Танкист** ‘пр. мужчины, который добивается своего, ни с кем и ни с чем не считаясь’ (ср. выражение *прет как танк*), **Краснуха** ‘пр. школьницы, которая часто и быстро краснеет’ и др.

– Использование варваризмов: **Хорс (Пони, Конь)** ‘пр. школьника по фам. *Кононов*’, **Дер Рабе** < фам. *Воронов* (из нем. *der Rabe*), **Гросс** ‘пр. высокого мужчины’ (из нем. *gross* ‘большой’), **Квикли** < фам. *Кувырков* (из англ. *quickly* ‘быстро’) и др.

– Образование неологизмов: **Цукермэн** < фам. *Сахаров* (ср. *Цукерман* из нем. *Zucker* ‘сахар’, *супермэн*), **Чуна** < фам. *Чувызгалов* и др.

7. Прозвища и стилистика. К этой группе относим, в частности, СПП, иллюстрирующие явление макаронической речи. В качестве таковых рассматриваем прежде всего онимы, построенные по моделям антропонимов других языков: **Андриано Разыграно** < *Андрей Разыграев*, **Ванидзе Михайлидзе** < *Ваня Михайлов*, **Мария Хлопес** < *Мария Хлопина*. Ср. также псевдоварваризм **Сухэн** ‘пр. худощавого школьника’, имитирующий иноязычную форму слова. Кроме того, это прозвища, мотивированные лексикой ограниченной сферы или территории употребления: жаргонизмы лежат в основе СПП **Химоза** ‘пр. учительницы химии; от жаргонного *химоза* ‘искусственные, химически синтезированные наркотики’ [Химоза: URL], **Литробольщик** ‘пр. мужчины, страдающего алкоголизмом; от жаргонного *литрбол* ‘пьянство, алкоголизм’ [Литрбол: URL]’; диалектизмы – в основе СПП **Сохатый** ‘пр. рослого, сильного мужчины; от диалект-

ного слова *сохатый* ‘лось’, *Оханские Бадюги* ‘пр. жителей г. Оханска Пермского края; от диалектного слова *бадог* ‘палка, жердь’; устаревшее слово – в основе СПП *Дохтур* ‘пр. старшеклассника, который намеревается продолжить обучение в медучилище’.

Однако ограничить проявления ЯИ в прозвищах перечислением их системно-структурных особенностей – значило бы обеднить возможности данного вида антропонимов. Современные достижения лингвистики и сам материал, который отказывается полностью укладываться в прокрустово ложе структурной лингвистики, требуют расширить представления о ЯИ в прозвищах в духе теории Л. Витгенштейна («игра – любой вид деятельности, связанный с языком»).

Как известно, лингвистика последних десятилетий отходит от имманентного изучения языковых фактов и явлений с точки зрения формы и содержания – в сторону постижения функциональных их особенностей, в том числе в связке функции и формы, функции и содержания. Следуя логике развития языкознания, мы можем утверждать, что и игра, соответственно, может проявляться в разнообразных аспектах. Лингвистами языковой игре возвращается «ее исходный антропологический и драматургический смыслы», открывается «возможность ее описания в категориях внешней лингвистики, т.е. как вида языковой компетенции, коммуникации и социокультурного поведения» [Каргаполова 2007: 44].

Так, одно из достижений современного языкознания – развитие теории прагматики (см. об этой теории, например, [Арутюнова, Падучева 1985; Арутюнова 1990]), с точки зрения которой игровой характер прозвищ обнаруживается в целом ряде аспектов. Поскольку СПП еще только требуют специального рассмотрения в указанном направлении в работе иного жанра, мы проиллюстрируем обозначенное положение лишь в нескольких ракурсах.

Сам факт употребления современных прозвищ есть нарушение правил (игра с нормой и «нормальным») – в данном случае правил использования именованных людей. Компоненты официальной антропонимической формулы имеют вполне определенную цель («иллокутивные силы») – номинировать, идентифици-

ровать и дифференцировать, и в этом смысле прозвища избыточны, «маргинальны» в устоявшейся системе. И уже в самом факте их употребления заложен эффект обманутого ожидания. Полагаем, мы можем утверждать, что иллюкутивные силы прозвищ связаны прежде всего с маркированием: как неоднократно отмечалось исследователями, такими номинациями наделяются значимые в микро- или макросоциуме лица, в то время как «периферийные» члены коллектива прозвищ не имеют. Причем, по нашим наблюдениям, «значимость» может быть и со знаком «плюс», и со знаком «минус»: прозвище могут давать не только авторитетным членам сообщества, но также «изгоям» или лицам, оцениваемым как враждебные (ср., например, прозвище *Девчонка*, которое закрепилось за мальчиком, который в начальной школе носил колготки и часто плакал; прозвище учительницы *Гнида*. Этот же эффект обманутого ожидания проявляется в особой речевой тактике номинаторов и вытекающей из нее произвольности именований: «Эффект ЯИ осознается тем ярче, чем менее прогнозируемым оказывается толкование слова в плане его соответствия возможной узуальной семантизации» [Гридина 2000: 53]. Иными словами, мотивация прозвищ в большинстве случаев неочевидна, ср.: если оним *Пробка* вполне ожидаемо принадлежит очень глупой девушке, то оним *Шершавый* (из фам. *Гладких*) явно требует разъяснения мотивировки. Отсюда возрастание роли косвенных смыслов, аллюзий, намеков и т.п., указывающих на прагматическое значение прозвища, нередко такое, которое могут адекватно воспринять только члены данного социума. Отсюда же в большей или меньшей степени намеренное нарушение сформулированных Грайсом конверсационных максим, или максим ведения разговора. Наиболее часто нарушается одна из максим манеры речи, требующая недвусмысленности высказывания (ср. в СПП *Деревянный* из фам. *Корнеев*, *Непаханая* из фам. *Залогина*, по связи с диалектизмом *залога* ‘непаханая земля, целина’), одна из максим качества, требующая сообщать только истинную информацию, иначе – «постулат истинности» (ср. в СПП, гиперболизирующих или преуменьшающих особенности носителя прозвища: *Контейнер* ‘пр. школьника, который ест часто, помногу, очень большими порциями’, *Скелет* ‘пр. очень худого школьника’).

Специального исследования требует и лингвокультурологический аспект, который также актуализирован в процессе ЯИ в прозвищных номинациях и возможности которого на материале имен собственных демонстрируют, например, исследования Е.Л. Березович (см., например, [Березович 2010]). В частности, в игровой форме в СПП представлены традиционные культурные оппозиции. Упомянутая функция маркирования членов социума, например, есть не что иное, как реализация оппозиций «свой – чужой», «хороший – плохой», «правильный – неправильный» и др. Безусловный интерес представляют прозвища в аспекте изучения трансформации традиционной картины мира в современную. Учет таких факторов, как частотность мотивирующей лексики, актуализируемые признаки объектов и субъектов номинации позволит определить ряд объектов окружающего мира и качеств человека, значимых для данной культурной среды.

Так, ранее наши исследования отзоонимных СПП [Боброва, Нечаева 2015; Боброва 2016] показали, что историческим прозвищам, например, практически не свойственна ЯИ; производящая лексика в них отражает прагматичность номинаторов и отвечает традиционной картине мира. Отзоонимным единицам диалектной терминологической группы «Болезнь» свойственна словообразовательная вариативность, конкретность внутренней формы; мотивирующая лексика так же ограничена рамками традиционной языковой картины мира, является общеизвестной, общеупотребительной. В современных прозвищах главным требованием оказывается вхождение лексики в одну предметную область (обычно на основе ассоциативных связей), родовидовая взаимосвязанность понятий. Актуальная лексика включает в качестве базовых, наиболее частотных общеупотребительные лексемы, но фактически мотивирующий лексикон разрастается до области знаний, пределы которых определяются социальным статусом номинаторов. Прозвища, мотивированные зоонимами, позволяют говорить о «культурной специфичности / неспецифичности (маркированности / немаркированности)» лексики.

Исследованные СПП дают также возможность выйти на концептуальный уровень и говорить о наиболее значимых понятиях языковой картины мира (см., например, [Щербак 2008]). Используемая в антропонимах лексика разнообразна, но отдельные

единицы демонстрируют большую либо меньшую востребованность, что (при более глубоком изучении), полагаем, позволит говорить о специфике отражения в современных русских прозвищах концептов русской культуры.

Особый интерес представляет реализация в СПП прецедентных текстов, в т.ч. прецедентных онимов (*Железный Феликс, Децл, Пушкин* и др.).

Итак, современные прозвища жителей Пермского края демонстрируют разнообразные возможности языковой игры, которая реализуется на всех языковых уровнях. Однако факт «игры» (намеренного нарушения норм) в них не ограничивается структурно-системными языковыми связями. Перспективно специальное, глубокое исследование СПП в аспекте прагматики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21-38; URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4538412> (дата обращения 20.03.2016 г.).

Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 389-390.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. – М.: КомКнига, 2010. – 240 с.

Боброва М.В. Прозвища жителей Пермского края, мотивированные лексикой тематической группы «Животные», в XVI–XVII и в XX–XXI вв. // Русская устная речь: мат-лы Всерос. науч. конф. / отв. редактор О.Ю. Крючкова. – Саратов, 2016. – С. 135-139.

Боброва М.В., Нечаева Л.С. Репрезентация семантической группы «Животные» в диалектной лексике тематической группы «Болезнь» и в современных прозвищах Пермского края // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: мат-лы III Всерос. науч. конф. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова. – Пермь, 2015. – С. 196-206.

Гридина Т.А. Произвольная мотивация как механизм языковой игры // Известия УрГУ. – 2000. – № 17. – С. 51-56.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996 (а). – 225 с.

Гридина Т.А. Имена собственные как база языковой игры (на материале отфамильных прозвищ в речи школьников) // Русский язык в школе. – 1996 (б). – № 3.

Дедушкина Т.А. Языковая игра: современное состояние вопроса // Studia Linguistica. – Киев, 2012. – Вып. 6. – С. 88-92.

Каргаполова И.А. «Языковая игра» в лексикографическом и научном освещении: концептуально-методологический анализ // Изв. Росс. гос. пед. ун-та

им. А.И. Герцена. – СПб, 2007. – № 9(47). – С.44-53.

Литербол, литрбол // URL. http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_6536 (дата обращения 20.03.2016 г.).

Сковородников А.П. Языковая игра // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. С. 796-803.

Химоза // URL. <http://slovonovo.ru/term/%D0%A5%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B7%D0%B0> (дата обращения 20.03.2016 г.).

Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: Дис. ... д. филол. наук. – Тамбов, 2008. 452 с.

© Боброва М.В., 2016